

Кубанская епархия и Краевое правительство в период Гражданской войны

Юлия Бирюкова

Kuban Diocese and the Kuban Government Council during the Civil War

Julia Biryukova

(Don State Technical University, Rostov-on-Don;
Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23040120, EDN: HOBKNA

В последнее время история Гражданской войны на Кубани всё чаще привлекает внимание исследователей¹. Но при этом освещаются преимущественно её военно-политические аспекты, тогда как, к примеру, положение Церкви остаётся в тени. Между тем в то время на Юге России Православная Российская Церковь играла чрезвычайно видную роль². В частности, на Кубани позиции местной епархии традиционно оставались весьма сильными. И в период Гражданской войны все станичные и сельские храмы были полны молящимися. Поэтому председатель Кубанского епархиального совета Г.П. Ломако с уверенностью заявлял, что «вопрос церковный является настолько неотъемлемым и существенно важным, что даже перестаёт, если так можно выразиться, быть вопросом, настолько очевидно, что жизнь на Кубани без самой тесной, самой близкой связи с Церковью невозможна, немыслима»³.

В мае 1919 г. в Ставрополе заседал Юго-Восточный церковный собор⁴. Представители казачества надеялись, что Церковь поддержит их федералистские стремления. Выступивший от имени Донского круга П.С. Якушев отметил: «Необходимо тесное единение соседей. Идея Юго-восточного союза уже осуществляется в церковном мире»⁵. Неудивительно, что на Соборе шли

© 2023 г. Ю.А. Бирюкова

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны, феномен, значение и региональная специфика».

¹ Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917–1918 гг. М., 1996; Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; Гагуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012; Лобанов В.Б. Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 – май 1919 гг.). СПб., 2012; Пученков А.С. Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XII. М., 2012. С. 385–406; Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооружённых Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021; Терновский В.А. Антибольшевистский лагерь на Кубани: взаимоотношения местных органов власти и командования Добровольческой армии (1917–1920 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021.

² Подробнее см.: Фирсов С.Л. «Время войне и время миру». Православная Российская Церковь и Гражданская война в России. Очерки истории и историографии. СПб., 2018.

³ Кубанский церковный вестник 1919 года / Под ред. Н.В. Кияшко. Армавир, 2021. С. 176–177.

⁴ См.: Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года. Сборник документов / Под ред. Ю.А. Бирюковой. М., 2018.

⁵ ГА РФ, ф. Р-3696, оп. 2, д. 4, л. 4; Жизнь (Ростов н/Д). 1919. № 34. 4(17) июня.

жаркие дискуссии о том, где должно пребывать Временное высшее церковное управление на Юго-Востоке России (ВВЦУ). Предполагалось, что оно укрепит престиж власти — главнокомандующего Вооружёнными Силами на Юге России генерала А.И. Деникина или же краевых правительств. «Самостийники понимали это, — вспоминал инициатор созыва Собора протопресвитер Г. Шавельский, — и уже собирались перетянуть ВВЦУ во Всевеликое войско Донское»⁶. Как позднее сообщал о. Георгий Деникину, «донцы приехали озлобленные, что инициатива выпала из их рук». Уже «первые их шаги показали, что они решили провалить Собор», и протопресвитеру «пришлось выдержать тяжёлую борьбу»⁷. Депутаты с Дона даже грозили, что Войсковой круг откажется выделять средства ВВЦУ, если оно будет соседствовать с гражданскими учреждениями Добровольческой армии⁸. Однако делегаты Собора усмотрели в этом «мелкое, провинциальное честолюбие» и постановили разместить ВВЦУ при Ставке главнокомандующего⁹.

Особый интерес местная политическая элита проявляла к статусу Кубанской епархии. Юго-Восточный церковный собор 1919 г. преобразовал Кубанское викариатство Кавказской и Ставропольской епархии в самостоятельную кафедру¹⁰. Полковники И.Е. Гладкий и К.П. Гаденко уверяли, что Кубанское правительство, которое они представляли, обеспечит её финансирование. Епархиальным собранием из Ставрополя в Екатеринодар была направлена делегация, которая получила уверения от правительства об изыскании необходимых средств¹¹.

31 августа 1919 г. соединённое собрание духовенства и мирян Кубанской и Ставропольской епархий приняло решение приступить к выделению самостоятельной Кубанской епископии. Оно направило телеграмму войсковому атаману Кубанского войска генералу А.П. Филимонову, приветствуя в его лице «доблестное кубанское казачество» и выражая надежду, что общими усилиями «кубанская Церковь в будущем достигнет цветущего состояния». Телеграмму подписали председательствовавшие епископы — Кубанский и Екатеринодарский Иоанн (Левицкий) и Александровский (викарий Ставропольской кафедры) Михаил (Космодемьянский)¹².

При этом местные критики не могли долго оставаться в стороне от развернувшегося в стране конфликта. Священник Е. Н-ский констатировал: «Идёт междоусобная борьба групп, идущих под разными флагами и под разными лозунгами... Некоторые из борющихся сторон обращаются к представителям Церкви и вообще к церковной власти за содействием к распространению воззваний, за призывами, за сборами на усиление средств борющейся стороны или на лазареты для больных и раненых и т.п. И в этом случае Церковь должна выразить своё определённое отношение к такого рода призывам»¹³, поскольку

⁶ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 351.

⁷ «Если бы Вас сразу поддержали!». Письмо о. Георгия Шавельского генералу А.И. Деникину. 1923 г. / Публ. А.С. Пученкова // Исторический архив. 2022. № 3. С. 106.

⁸ Шавельский Г. Указ. соч. С. 344.

⁹ Там же. С. 350.

¹⁰ Юго-Восточный Русский Церковный Собор... С. 33, 135.

¹¹ Государственный архив Краснодарского края (далее — ГА КК), ф. Р-14, оп. 1, д. 38, л. 1.

¹² Там же, ф. Р-6, оп. 1, д. 196, л. 7.

¹³ Кубанский церковный вестник 1919 года. С. 59.

народ, уставший от противостояния, «жадно ждёт голоса церковного о смысле всего происходящего» и надеется, что храм не превратится «в трибуну политической пропаганды» и останется верным решениям и принципам Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг.¹⁴

На Юге России тем временем происходило установление единоличной власти Деникина и подчинение ему всех местных антибольшевистских сил, включая и краевые правительства, стремившиеся к самостоятельности. Генерал настаивал на том, что какие бы то ни было законодательные и административные органы могли создаваться исключительно главнокомандующим, а не каким-либо учредительным съездом. Порядок управления в казачьих областях утверждался Деникиным от имени верховного правителя А.В. Колчака. Со своей стороны, заседавшая в Екатеринодаре Южнорусская конференция без возражений признала необходимость организации единоличной общероссийской власти во главе с Деникиным для борьбы с большевизмом и наведения порядка в стране. Однако подчиниться Колчаку на Кубани соглашались лишь только в том случае, если он гарантировал автономию местного самоуправления. При этом продолжались споры о том, должны ли «палаты областных представителей» быть законодательными или законосовещательными. Определить пределы полномочий местных государственных образований предстояло особой комиссии¹⁵. Соответственно Церкви, находившейся в состоянии административного кризиса, приходилось выстраивать отношения со всеми этими органами власти.

29 мая 1919 г. Кубанское краевое правительство по инициативе входившего в его состав К.А. Безкровного учредило при кубанском ведомстве внутренних дел межведомственную комиссию для содействия устройству самостоятельной Кубанской епархии. В неё вошли правительственные деятели С.К. Приходько и полковник К.П. Гаденко, член Кубанского епархиального миссионерского совета Л.Я. Апостолов, староста войскового собора полковник И.Е. Гладкий, член ВВЦУ, председатель Кубанского епархиального совета, председатель совета Союза духовенства Кубанской области протоиерей Г.П. Ломако, протоиерей А.П. Рождественский (также член ВВЦУ), М.П. Воскресенский и Н.Т. Карташов, священник И.Д. Скрыпченко и др. Они разрабатывали меры, которые позволили бы правительству принять на счёт краевой казны содержание не только епископа и епархиальных учреждений, но и всего приходского духовенства, обсуждали штат кафедрального собора, положение местных духовно-учебных заведений и планы учреждения Кубанской епархиальной гимназии для подготовки духовенства. Кроме того, на основании определения Всероссийского поместного собора о правовом положении Церкви в государстве комиссия добивалась создания при краевом правительстве «Ведомства исповеданий и духовных дел»¹⁶. В начале августа она завершила свою работу, однако утверждение подготовленного ею законопроекта затягивалось¹⁷. Поэтому, не дожидаясь его рассмотрения в Раде и отпуска казённых средств, комиссия предлагала просить станичные общества о временном вознаграждении духовенства, оставшегося без всякого жалования.

Ситуация осложнялась тем, что, согласно Кубанской конституции, ни одно вероисповедание в крае не могло пользоваться преимуществом (§ 4). Это

¹⁴ Там же. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 114–115.

¹⁶ Там же. С. 115, 125, 214, 215.

¹⁷ ГА РФ, ф. Р-3696, оп. 1, д. 20, л. 185.

положение, по сути, лишало правительство права оказывать покровительство православной Церкви и её учреждениям. И члены вероисповедной комиссии Рады во главе с Г. Омельченко, беседуя с представителями епархии, усматривали в этой норме препятствие для продуктивной работы. Правительственные деятели также старались её соблюдать, что проявилось, в частности, в отмене циркуляра Ведомства народного просвещения о необходимости воспитания подрастающего поколения в православной вере. Этот шаг объяснялся тем, что упоминание «христианских начал не соответствует конституции края и может дать повод упрекать правительство в религиозном отношении»¹⁸.

Краевое правительство с самого начала Гражданской войны демонстрировало неприязнь к органам церковного управления и лично к епископу Кубанскому и Екатеринодарскому Иоанну (Левицкому). «Столь неуважительного, совершенно бесцеремонного отношения со стороны правительства к епархии я ещё нигде не встречал», — отмечал, проводя в октябре 1919 г. ревизию, архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский)¹⁹. Епархиальные учреждения, в том числе и учебные, бедствовали, находясь на грани выживания. Все принадлежавшие им здания были реквизированы для военных нужд, и большую их часть не вернули даже после установления на Кубани власти Деникина. Дом, предназначавшийся для свечного завода, с первых дней революции без согласования с архиереем занял Петроградский детский приют бывшего ведомства вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. В мужском епархиальном училище развернули лазарет Добровольческой армии. После освобождения данного помещения правительство было готово возвратить его Церкви. Однако строения преобразованного в гимназию и взятого с 1 апреля 1919 г. на содержание Добровольческой армии женского епархиального училища, при котором состояли пансион на 500 мест и больница, на основании принятого в начале июля правительственного постановления следовало передать Кубанскому военному училищу²⁰. По рассказам местных жителей, его думали расположить в одном из недействовавших учреждений, но затем, как писал владыка Евлогий, предпочли захватить более удобное здание, «потому, что духовное ведомство является беззащитным». «Насилие, — сетовал он, — распространяется по линии наименьшего сопротивления. Конечно, будь на месте преосвященного Иоанна более сильный и влиятельный святитель, он, быть может, отстоял бы права епархии (хотя, учитывая настроения кубанских властей, в этом можно сомневаться)»²¹.

Первоначально военное училище вселилось лишь в основной корпус, оставив епархии четыре флигеля, где разместились епархиальный совет, попечительство о бедных духовного звания, совет Союза духовенства, редакция «Кубанского церковного вестника», образцовая школа, свечной завод, склад, винный погреб и квартиры нескольких десятков церковнослужителей (преимущественно педагогов). Там же приходилось проводить благочиннические, пастырские и законоучительские собрания. Но начальство военного училища стремилось забрать и флигели. Опасаясь окончательной конфискации имущества, и без того разорённого за два года реквизиции, училищный совет просил о помощи Президиум Законодательной рады, но получил только позволение

¹⁸ Там же, л. 144, 184, 186.

¹⁹ Там же, л. 144–145.

²⁰ Там же, л. 104, 186, 199–199 об.

²¹ Там же, л. 144–145.

проводить занятия в войсковой женской гимназии. Впрочем, уже 11 октября епархиальный съезд духовенства и мирян решил училище закрыть. Тем самым, по словам его воспитательниц, «совершилось позорное дело». Владыка Иоанн, к которому они обратились, переслал их доклад архиепископу Евлогию, ходатайствуя о сохранении учебного заведения²². От Добровольческой армии денег также не поступало, вследствие чего жалование не выплачивалось. В январе 1920 г. митрополит Антоний (Храповицкий), временно управлявший тогда Кубанской епархией, тщетно добивался от ВВЦУ выделения средств²³.

В то же время правление мужского епархиального училища летом 1919 г. направило в ВВЦУ ходатайство о преобразовании в гимназию, надеясь, что это позволит рассчитывать на финансирование кубанским правительством. Тогда ВВЦУ поручило епископу Иоанну провести переговоры с властями края о выделении необходимых сумм и реформировании училища, которое должно было по-прежнему оставаться церковным, с большим количеством уроков по богословским дисциплинам, изучением церковнославянского языка, церковного пения и философии, соответствующей тематикой письменных работ и обязательным посещением богослужений²⁴.

2 сентября 1919 г. Кубанская рада постановила реквизировать и передать правительству все частновладельческие земли края, в том числе и церковные — причтовые и монастырские. В результате местное духовенство, которое по-прежнему должно было вести бракоразводные дела и метрики, выдавать различные справки и т.п., лишилось средств к существованию и квартир, отныне оно жило подааниями, которых в условиях войны становилось всё меньше²⁵. Рассматривая такой способ содержания как «совершенно недостаточный и унижительный», священники покидали Кубань и искали другие занятия. Епархиальное собрание, надеясь на скорое возмещение расходов краевым правительством, с большим трудом собрало средства на нужды церковных учреждений.

Со своей стороны, Кубанский епархиальный совет, 12 марта 1919 г. официально признанный правительственным учреждением²⁶, и епископ Иоанн безуспешно обращались в Раду, в Совет правительства и к войсковому атаману с ходатайствами об урегулировании положения Церкви. В сентябре 1919 г. председатель епархиального совета протоиерей Ломако писал: «Последними узаконениями затрагиваются имущественные права Церкви, материальное и правовое положение духовенства. Положение духовноучебных заведений, религиозно-нравственного образования и просвещения вообще в высшей степени неопределённо. Будущее наших монастырей также должно каким-то образом измениться... Необходимо поэтому, чтобы каждый член Краевой рады, эти избранники народа, народный разум и совесть, прониклись в полной мере всей важностью указанных выше вопросов и в ближайшем же будущем на деле обнаружили бы свою сыновнюю преданность Церкви православной, свою горячую любовь к ней и родной земле». Протоиерей неоднократно напоминал различным должностным лицам и учреждениям «о необходимости поставить на обсуждение в Краевой раде вопрос церковный в полном его объёме», как это

²² Там же, л. 104–107.

²³ Там же, л. 199–199 об.

²⁴ Там же, л. 83.

²⁵ Там же, л. 185.

²⁶ Там же, л. 184.

уже было сделано на Большом круге Всевеликого войска Донского. При этом следовало руководствоваться определениями Всероссийского поместного собора о правовом положении Церкви в государстве. Каждую станицу и хутор о. Ломако призывал дать соответствующий наказ своим представителям в Раде²⁷.

Сколько-нибудь широкого отклика эти слова не вызвали. Тем не менее 2 октября сбор станицы Раевской Таманского отдела Кубанской области составил приговор: «Так как население Кубанского края в преобладающем большинстве исповедует православную веру, так как коренное население Кубани — казачество всегда дорожило святым православием и веру своих дедов и прадедов отстаивало своей жизнью и кровью, то и Святая Церковь православная должна занимать в нашем крае первенствующее значение среди других исповеданий, а её установления и учреждения как способствующие её процветанию, достоинству и славе должны быть субсидированы материальной помощью от краевой казны, а следовательно, и наше духовенство должно быть обеспечено достаточным жалованьем из краевых сумм. Определение Всероссийского церковного собора от 2-го декабря 1917 года о правовом положении православной Церкви ясно выражает церковное сознание всего русского народа, в том числе и казачества»²⁸. Передать этот документ Краевой раде поручили её члену Г. Горбу.

Между тем в краевом правительстве предпочитали обсуждать проект Положения о войсковом кафедральном соборе, в котором, в частности, причту запрещалось занимать в епархии какие-либо должности, препятствующие исполнению его обязанностей²⁹.

При этом войсковой атаман мог властно вмешиваться во внутренние дела епархии. Поскольку ему принадлежало право выдвигать своих кандидатов на замещение причтовых вакансий в войсковом соборе, генерал-лейтенант Филимонов выступал как защитник веры и Церкви. В августе 1919 г., узнав от протопресвитера Георгия Шавельского о небрежном отношении духовенства войскового собора к своему служению³⁰, атаман в письме к епископу Иоанну настаивал на необходимости «решительных мер» и говорил о себе, как о «религиозном сыне Кубани», который поставлен «властью народа» во главе управления краем и считает своим «святым долгом» заботиться «о состоянии своего войскового храма и служащих в нём». По его словам, «в нынешнее время, время произвола и анархии на Руси, когда государственность разрушена, право личности уничтожено, великая и дорогая Родина наша заливается морем крови, слёз и горя, Церковь святая — главный нерв русской народной жизни — оскверняется, вера в Бога и святых Его убивается в народном организме, необходимо, чтобы вывести страну из этого катастрофического положения и спасти растерзанную Родину нашу, полное напряжение и сплочение воедино всех здоровых элементов. Духовенство, соприкасающееся непосредственно с народом, должно быть особенно на высоте своего положения». Ему казалось, что «сейчас идёт строительство новой жизни», и «пастыри Церкви должны быть впереди»³¹.

Обвиняемые клирики, оправдываясь, направили войсковому атаману доклад, а архиерею — рапорт, в которых изображали себя невинно гонимыми и очерняли о. Шавельского. По их словам, он «не ради ревности по Бозе занял

²⁷ Кубанский церковный вестник 1919 года. С. 178.

²⁸ Там же. С. 232.

²⁹ ГА КК, ф. Р-14, оп. 1, д. 37, л. 31–31 об.

³⁰ Там же, л. 1–2.

³¹ Там же, л. 4–9, 13 об., 14.

ся доносами», поскольку сам ещё больше нарушал благочиние в храме. Атаману эти утверждения показались наивными. Короткая записка епископа о том, что уже приняты «самые решительные меры... к устранению на будущее время небрежного и леностного исполнения пастырского долга»³², Филимонова не удовлетворила. Вместе с председателем краевого правительства П.И. Курганским он потребовал перевести священников собора в другой приход, всех диаконов удалить, «в срочном порядке» заменив их более достойными (некоторые из них тут же перечислялись)³³. Атаман сожалел, что владыка по мягкости и доброте не внял его доводам, и всё более настойчиво просил отделить Ильинский приход от собора, протоиерея Созонта Мищенко, священников Василия Бирюкова и Владимира Садовского, а также диаконов (и прежде всего Григорьева, «человека весьма заносчивого») перевести в другие храмы, поставив на их место священников Екатерининской церкви Николая Перевозовского и Георгия Даниловского и диакона Тархова. «Не допустите, — недвусмысленно угрожал атаман, — чтобы это устройство было произведено помимо Вашего соизволения»³⁴.

Вскоре атаман уведомил епископа, что желал бы видеть служащим в войсковом храме кубанского казака о. Федотова, а «другую священническую вакансию в том же соборе изъявляет желание занять епархиальный миссионер протоиерей о. Розанов, ревностный и выдающийся пастырь и проповедник». Таким образом, прошения о назначении и переводе направлялись в обход епархиального архиерея «его превосходительству войсковому атаману и начальнику Кубанской области»³⁵.

Поскольку, согласно определениям Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг., священник мог быть отстранён от служения только по суду, владыка Иоанн назначил следствие, которому предстояло изучить возникший в соборе конфликт³⁶. Однако епархиальный совет счёл его излишним и ограничился строгим выговором. Владыка, проявив уступчивость, утвердил это решение. Но вовсе игнорировать требования атамана он не мог.

Характерно, что Филимонов состоял в переписке со старостой собора полковником Гладким, давал ему поручения по наведению порядка и вместе с тем прислушивался к его рекомендациям. А тот, в частности, предлагал ввести закон, по которому весь причт войскового собора назначался бы исключительно из кубанских казаков или уроженцев края по выбору атамана и только утверждался бы епископом, причём увольнение осуществлялись бы в таком же порядке³⁷.

Следуя инструкции старосты, атаман просил перевести в войсковой храм диакона Михаила Лисицына из Никольской церкви Ростова-на-Дону, т.е. из другой епархии, и напоминал: «Убедительно прошу Ваше преосвященство в срочном порядке произвести необходимые изменения в составе соборного причта назначением на священнические места лиц из названных мной кандидатов». В противном случае Филимонов готов был «разрешить вопрос о со-

³² Там же.

³³ ГА РФ, ф. Р-3696, оп. 1, д. 20, л. 144.

³⁴ ГА КК, ф. Р-14, оп. 1, д. 37, л. 14–14 об.

³⁵ Там же, л. 21–22.

³⁶ ГА РФ, ф. Р-3696, оп. 1, д. 20, л. 143.

³⁷ ГА КК, ф. Р-14, оп. 1, д. 37, л. 10–11, 27–27 об.

борном причте в чрезвычайном порядке»³⁸. Владыка Иоанн, отвечая, уведомил об удалении одного священника и диакона и обещал устроить все назначения «при первой возможности». Вместе с тем он отметил, что протоиерей Тархов выразил желание остаться служить в Екатерининской церкви. В октябре переписка возобновилась, правда, атаман не был уже столь категоричен, несмотря на упрямство епископа³⁹.

В этой обстановке ВВЦУ назначило ревизию Кубанской епархии. С 17 по 31 октября 1919 г. её инспектировал архиепископ Евлогий (Георгиевский) и член Донского епархиального совета протоиерей В. Чернявский. «Не знаю, — недоумевал владыка Евлогий, — закончится ли на этом бесконечная и тяжёлая переписка между атаманом и преосвященным Иоанном о соборном причте, или она ещё будет продолжаться, но мы видим, в каких она запуталась дебрях и к какому унижению престижа епархиальной власти она привела, только потому, что эта власть не проявила в своё время надлежащей энергии и не удержалась на почве соборных определений. Справедливость, впрочем, требует сказать, что первая вина... скорее падает на ставропольское епархиальное начальство, лишившее преосвященного Иоанна всякой самостоятельности». В Екатеринодар он был назначен против воли архиепископа Кавказского и Ставропольского Агафодора (Преображенского), имевшего своего кандидата. Архиепископ всячески дискредитировал своего викария, с первых же дней демонстрируя своё нерасположение и недоверие: его представления игнорировались и отвергались, резолюции перечёркивались, а сам он высмеивался перед молодыми клириками. Приехавшему с лучшими рекомендациями от епископа Иоанна священнику Рябчикову архиепископ Агафодор заявил: «Я его посылал по епархии лишь для обозрения церквей и школ и не давал ему полномочия аттестовать духовенство»⁴⁰.

Побеседовав с Филимоновым, владыка Евлогий убедился, что исправить ситуацию и изменить отношение к кубанскому архиерею было уже невозможно. «Прекрасный человек по своим личным качествам, — характеризовал его архиепископ, — глубоко благочестивый, молитвенный, добрый и мягкий, кроткий, застенчивый, он вовсе не церковно-общественный деятель для такого бурного, мятежного времени, как переживаемый нами момент, и для такого места, как Кубань». При этом ревизия показала, что «к своему архиерейскому долгу преосвященный Иоанн относится не только с полной добросовестностью, но и с великим усердием. Это большой труженик»⁴¹.

Сложная общественно-политическая ситуация требовала, по мнению владыки Евлогия, жёсткости и решительности, а также взаимодействия с высшим командованием Добровольческой армии и властями края, от чего епископ Иоанн уклонялся. Так, он не участвовал в молебне по случаю открытия Рады, не поздравил Филимонова с избранием войсковым атаманом, не интересовался местными общественно-политическими течениями и не пытался использовать их в интересах епархии, не знал, что происходит в правительстве, и т.п.⁴²

26 ноября 1919 г. указом ВВЦУ епископ Иоанн был уволен на покой, а временное управление Кубанской епархией поручалось епископу Уманскому

³⁸ Там же, л. 28–28 об.

³⁹ Там же, л. 30, 31.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, л. 140, 146.

⁴² ГА РФ, ф. Р-3696, оп. 1, д. 20, л. 142.

Димитрию (Вербицкому) с возведением его в сан архиепископа. Между тем никто не знал где он находился после занятия Киева большевиками, и 10 декабря исполнение обязанностей местного архиерея временно было возложено на почётного председателя ВВЦУ митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого), прибывшего в Екатеринодар 16 декабря⁴³. На следующий же день в «Кубанском церковном вестнике» появилось его окружное послание пастырям и пастве Кубанской епархии, в котором он разъяснял ситуацию, сложившуюся при замещении кафедры, и призывал к труду и борьбе против безбожных большевиков⁴⁴.

Ещё ранее лишился своей должности Филимонов. Сменивший его в ноябре на посту войскового атамана генерал-майор Н.М. Успенский, к которому епархиальный совет обратился «с убедительной просьбой принять под свою защиту интересы Церкви и всего духовенства», успел заверить председателя ВВЦУ архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича) в готовности немедленно изыскать средства на содержание церковных учреждений и клириков. Тогда же он потребовал от Курганского принять меры для исполнения обещаний, данных на Юго-Восточном соборе при выделении самостоятельной Кубанской епархии. Однако 17 декабря атаман скончался от тифа⁴⁵.

В начале 1920 г., после военной катастрофы, белым пришлось оставить Кубань. На протяжении полутора лет, пока она находилась под контролем добровольцев, положение местного духовенства оставалось тяжёлым и сложным. Оно не имело большого влияния на генералов и их правительства, заботившиеся преимущественно о военных нуждах. Но власти так или иначе стремились к сотрудничеству с ним и видели в Церкви свою опору, хотя зачастую и обращались с её представителями довольно бесцеремонно.

⁴³ Кубанский церковный вестник 1919 года. С. 264–265; ГА КК, ф. Р-14, оп. 1, д. 37, л. 44–45.

⁴⁴ Кубанский церковный вестник 1919 года. С. 245.

⁴⁵ ГА КК, ф. Р-14, оп. 1, д. 38, л. 1–5.